

УДК 67.409

DOI 10.46741/2686-9764-2019-13-3-441-448

Зарождение и утверждение идей исправления и перевоспитания заключенных в России в конце XVIII – первой половине XIX века

■ **В. Б. ДВОРЦОВ** – начальник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат педагогических наук;

Т. Н. КОГОЛЬ – доцент кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент

Реферат

В статье рассматривается процесс зарождения и становления идей исправления и перевоспитания личности заключенных, который приходится в России на конец XVIII – первую половину XIX века. На конкретном историческом материале показаны причины, которые не только вызвали к жизни эти идеи, но и влияли на их эволюционное развитие.

Анализируется во многих отношениях сложный и неоднозначный опыт реализации гуманистических начал в законодательной и пенитенциарной отечественной практике. Утверждению идеи гуманного отношения к личности осужденного во многом способствовали общественные организации, в частности Попечительное о тюрьмах общество.

Показано, что к концу рассматриваемого периода гуманистические идеи о ценности человеческой личности и необходимости торжества закона достаточно прочно вошли в русскую философско-политическую культуру и привели к изменению вектора уголовно-исполнительной политики.

Ключевые слова: личность заключенного; цель наказания; нравственное исправление и перевоспитание преступников; условия отбывания наказания; средства исправления.

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования

The origin and approval of ideas for the correction and re-education of prisoners in Russia in the late XVIII – first half of the XIX century

V. B. DVORTZOV – Head of the Tomsk Institute for Advanced Studies of Staff of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics;

T. N. KOGOL – Associate Professor of the Department of Organization of Personnel, Social, Psychological and Educational Work of the Tomsk Institute for Advanced Studies of Staff the Federal Penal Service of Russia, PhD. in History, Associate Professor

Abstract

The article discusses the process of origin and formation of ideas for correcting and re-educating the personality of prisoners, which falls in Russia at the end of the 18th – first half of the 19th centuries. The concrete historical material shows the reasons that not only brought these ideas to life, but also influenced their evolutionary development.

The complex and ambiguous experience of the implementation of humanistic principles in the legislative and penal domestic practice is analyzed in many respects. The idea of a humane attitude to the personality of the convicted person was largely promoted by public organizations, in particular the Society of Prison Guardians.

It is shown that at the end of the period under review, humanistic ideas about the value of the human person and the need for the rule of law firmly entered the Russian philosophical and political culture and led to a change in the vector of the penal policy.

Keywords: the identity of the prisoner; purpose of punishment; moral correction and re-education of criminals; conditions of serving a sentence; remedies.

13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education

Обращение к истокам становления гуманистических идей в отечественной философско-правовой пенитенциарной мысли никогда не теряет своей актуальности. Осмысление достижений прошлого, преемственности идей воспитательной стороны наказания и социально-нравственных представлений дает возможность увидеть современность практики исправления и перевоспитания осужденных. Опыт прошлого постоянно нуждается во всестороннем из-

учении и экстраполяции на повседневную профессиональную деятельность каждого сотрудника уголовно-исполнительной системы.

Зарождение идей исправления и перевоспитания заключенных, их развитие в конце XIX – начале XX в. в рамках тюремоведения как науки в сфере исполнения уголовных наказаний связано с появлением потребности общества в сущностном изменении личности преступника, его включении

в систему морально-общественных ценностей, возвращении в законопослушную среду. Такой общественный запрос зависит от уровня социального развития общества, экономической и политической ситуации в государстве.

Во второй половине XVII в. в России под влиянием идей европейских философов и ученых Ч. Беккариа, Ф. Вольтера, Д. Дидро, Д. Говарда, Ш. Монтескье начинает постепенно меняться вектор уголовно-исполнительной политики. В государственном масштабе получают развитие гуманистические мысли о ценности человеческой личности и необходимости торжества закона. В ряде программных документов Екатерина II ратно очерчивает свою монаршую позицию.

Так, в Манифесте от 22.09.1762 «О прощении вин впадшим в преступления и о сложении начетов и казенных взысканий» по случаю коронавания читаем: «Мы не строгостию законов (которая всегда будет в крайности и последнее от Нас преступникам оных исправление), но прямым соболезнованием о них и милосердием желаем сердца их поврежденные возбудить к раскаянию и обратить на путь истины» (ПСЗ. Т. XVI. Ст. 11.667. С. 69). В 1763 г. в Указе «О порядке производства уголовных дел по воровству, разбою, и пристанодержательству» выдвинуто требование о формировании объективной доказательственной базы, так как лучше «виновного освободить, нежели невинного истязать по утверждению одних пыток» (ПСЗ. Т. XVI. Ст. 11.750. С. 155). И наконец, в «определившем все европейское законодательство почти на целое столетие» [9, с. 3] «Наказе» 1767 г. – наставлении для специальной комиссии по созданию нового Уложения – Екатерина II прямо заявляет: «...цель наказания не в том, чтобы мучить... Они на тот конец предписаны, чтоб воспрепятствовать виноватому, дабы он впредь не мог вредить обществу, и чтобы отвратить сограждан от соделания подобных преступлений» (ПСЗ. Т. XVI. Ст. 11.750. С. 157).

Практическим воплощением новых идей в области исправления преступников в пенитенциарной практике стали постепенная отмена наиболее жестоких видов наказания, сокращение отдельных максимальных сроков содержания под стражей и судебного разбирательства лиц, содержащихся в тюрьмах по «обыкновенным тяжёлым делам», рекомендации по возможности «не держать под караулом», а отдавать на поруки.

Вместе с тем необходимо отметить, что идеи человеколюбия, которые стали так ак-

тивно утверждаться в XVII в., нельзя назвать принципиально новыми для тогдашней российской действительности. Патриархальная культурная ментальность общества традиционно демонстрировала сострадание к ближнему, а в преступниках, государством осужденных, видела не столько нарушителей закона, сколько оступившихся людей, к которым надлежит относиться с жалостью и сочувствием. В том, что люди совершили преступление, наши предки видели и собственную вину, чувствовали коллективную ответственность за содеянное. Истоки такого отношения восходят к христианским идеалам, к которым должен стремиться православный человек в своей жизни, а также к специфическим (общинным) особенностям устройства русского общества.

Стоит отметить интересный правовой феномен, имевший место в законодательстве и практике вплоть до середины XVI в. (то есть до появления Судебника 1550 г.), когда право отнесения содеянного деяния к «лихому делу», то есть преступлению, оставалось за обществом. «Сила общественного мнения была настолько велика, что без изъятого (поличного) и даже без суда, лицо может быть обвинено, если 5–6 “добрых людей” под присягою назовут его вором» [7]. При этом мнение общины строилось только на субъективной оценке нравственной составляющей самого деяния, степени испорченности человека и на его реальной или потенциальной пользе для общины, что было немаловажно, учитывая ее сельскохозяйственный характер.

Сочувственное и сострадательное отношение народных масс к осужденным формировалось также под влиянием правовой практики того периода, когда юридическая ответственность имела четко выраженный сословный характер, а суровость мер наказания объяснялась исключительно целью устрашения и не учитывала адекватность содеянного лицом деяния. В народном сознании возникал диссонанс между христианским пониманием правды и государственной линией проводимой уголовной политики. В глазах народа осужденные зачастую рассматривались как жертвы чиновничьего (сословного) произвола.

Рассматривая эволюцию государственного мышления в области исполнения наказаний, исправления и перевоспитания преступников, отметим проект «Устава о тюрьмах» 1787 г., который закрепил передовые европейский взгляды на организацию

тюремных систем и стал отражением гуманистических идей самой императрицы.

Структура проекта включала сто статей, объединенных в несколько разделов, из которых можно выделить три основных: 1) о создании тюрем для заключенных разных групп разного наименования и предназначения; 2) содержании заключенных; 3) тюремной администрации.

В проекте нашли отражение принципы классификации заключенных с делением их на группы по тяжести совершенных преступлений, раздельного содержания последних по гендерному признаку, организации тюрем и обеспечения режима, прописывались требования к тюремному персоналу. Подчеркивая гуманность своих законодательных мероприятий, Екатерина II устанавливала, что перед поступлением на службу сотрудники тюремной администрации должны принимать торжественную присягу и клясться, что они с арестантами «сурово поступать не будут, но человеколюбиво, без послабления», что будут доставлять им «пищу, питье, одежду и прочее содержание без малейшего ущерба». Тем самым вводился принцип личной ответственности тюремной администрации за выполнение служебных обязанностей.

Надо сказать, что этот проект постигла судьба ряда других прогрессивных законодательных актов екатерининского времени. Изложенные в них идеи опережали культурно-исторический контекст и потому не могли быть реализованы. Это давало авторитетным исследователям прошлого (М. Н. Гернет) повод для жесткой критики как самих документов, так и императрицы. Сегодняшняя переоценка многих исторических реалий приводит к иному взгляду на нормотворческую деятельность Екатерины II. Официальные, идущие от первого лица государства, обладающего абсолютной властью, философско-правовые идеи могут представлять ценность сами по себе, даже в отсутствие их практической реализации. В культурно-исторической традиции российской государственности они выступают своеобразным месседжем не только по отношению к современникам, но и будущим поколениям российских подданных. И действительно, как показали последующие исторические события, идеи, аккумулированные в проекте, оказали значительное влияние на социально-правовые и педагогические позиции в России и за ее пределами, вошли во многие будущие законы [3, с. 12].

С этого периода начинает отчетливо прослеживаться трансформация взглядов на труд осужденных, что нашло отражение в деятельности смиренных и работных домов, созданных еще в петровскую эпоху. В отличие от изнурительного каторжного труда, преследовавшего исключительно цели наказания, устрашения и получения прибыли, труд в этих учреждениях стал рассматриваться сквозь призму исправительного воздействия. Заключение в смиренные дома с обязанностью трудиться подвергались лица с антиобщественным поведением, ведущие праздный образ жизни, не желающие работать для своего пропитания.

Некоторые исследователи обращают внимание на интересную деталь указа Екатерины II в отношении лиц, помещенных в смиренные дома. Она состоит в том, что если кто из граждан и мог заплатить за вора стоимость похищенного, то эта сумма все равно не принималась, и вору самому нужно было заработать стоимость того, что украл, проценты на содержание и компенсировать моральный вред. В этом видится прообраз трудового перевоспитания, приучения праздных людей и правонарушителей к труду [4, с. 36]. Полагаем, что этот опыт можно адаптировать к современным реалиям, дабы он мог быть полезен и в наше время.

Идеи о необходимости прогрессивного развития России, ставшие активно утверждаться в обществе после походов русской армии за границу и победы над Наполеоном, знакомства с передовыми мыслями по справедливому устройству государства, не могли не затронуть тюремную систему страны.

Новаторские идеи о том, что целью наказания должно быть исправление преступника и предупреждение совершения новых преступлений, содержатся в трудах многих общественно-политических деятелей и публицистов начала XIX в. Наиболее убедительно они изложены в книге А. П. Куницына «Право естественное» (1818), а также в работах Г. И. Солнцева, А. И. Галича и др. [6, с. 9].

Первая четверть XIX в. занимает особое место в истории русской тюрьмы, так как в этот период произошел заметный позитивный сдвиг в проводимой государством тюремной политике. Сказались и тогдашние настроения в русском обществе.

Активно распространяются новые гуманистические идеи о причинах преступности, наказании как мере вины, задачах и сущности содержания под стражей, передовых тюремных системах и т. д. В орбиту философии

естественных прав человека включаются и заключенные. Изменение умонастроений просвещенного русского аристократического дворянства приводило к кардинальному изменению этики поведения. Правилом хорошего тона становятся филантропия и благотворительность. Именно эти изменения заложили основы фундамента для общественной благотворительной деятельности по самым разным направлениям. Одним из них стала деятельность Попечительного о тюрьмах общества, положившая начало новому направлению в тюремной политике.

По инициативе члена Английского тюремного общества (Лондонского общества улучшения мест заключения) Вальтера Веннинга, сделавшего доклад Александру I об осмотре мест заключения Петербурга, 19 июля 1819 г. императором было дано разрешение на открытие в Петербурге Попечительного о тюрьмах общества. О высоком социальном статусе данного общества свидетельствует тот факт, что оно находилось под покровительством самого императора. Утверждая одной из своих целей исправление преступников, общество имело в виду, прежде всего, нравственные изменения личности заключенного. Основными средствами исправления арестантов стали «наставления их в правилах христианского благочестия и доброй нравственности». Особый акцент в уставе общества делался на религиозном воздействии на арестантов. Впервые говорится о создании тюремных библиотек в общих местах заключения с подборкой книг «Священного писания и духовного содержания» [2, с. 98–100].

Попечительное общество с первого года своего существования приступило к публикации ежегодных отчетов, в которых особое место уделялось анализу и описаниям религиозно-нравственного воздействия членов общества на арестантов и успехов такого воздействия, статистике исповедей и причастия [2, с. 281]. Общество явилось первой общественной организацией, предпринявшей реальные действия по улучшению положения в тюрьмах, а потому получило право посещать места заключения в любое время, а также участвовать в их управлении. Вполне очевидно, что говорить об установлении общественного контроля над местами лишения свободы в современном виде не приходится, однако сам факт создания такого общества и наделения его соответствующими полномочиями свидетельствует о понимании властями важности открытости тюремной системы, необходимости привле-

чения к работе с осужденными всех заинтересованных сил российского общества.

Деятельность этой общественной организации оказала существенное влияние на изменения в организации системы исполнения уголовного наказания. Было улучшено положение пересыльных заключенных, стали выделяться финансы на их питание и снабжение одеждой. В тюрьмах начали вводить официальный распорядок дня. Были внесены изменения в содержание под стражей, в частности был запрещен свободный вход в тюрьму для раздачи милостыни заключенным, запрещены отлучки арестантов из долговой тюрьмы, установлены специальные дни в неделю для посещения родственниками. «Применялись меры по искоренению праздности, вводились часы занятий, часы работы и отдыха. Началось обучение арестантов ремеслам и грамоте. Петербургское общество ввело вместо передвижения узников в кандалах по городу перевозку их в специально оборудованных экипажах. По инициативе членов общества был заметно снижен вес оков, надеваемых на арестантов, введено единое форменное арестантское платье, образец которого утвердил сам Александр I» [4, с. 13].

Впервые в отечественной истории научное сообщество и практика совместными усилиями сформулировали пять средств исправления, которые и в настоящее время оцениваются как содержащие кроме тюремных еще и педагогические начала:

- надзор за заключенными, осуществляемый на постоянной и непосредственной основе;
- размещение заключенных на принципах классификации по роду преступлений и тяжести обвинений;
- наставление и поучение в правилах благочестия и доброй праведности;
- занятия приличными упражнениями;
- заключение провинившихся или буйствующих в специальное уединенное место.

Высказанные мысли о том, что средства воздействия на осужденных с целью их исправления должны быть гуманными по самой своей сути, ориентированными на нравственное положительное изменение личности и ее перевоспитание, получили дальнейшее развитие в пенитенциарной теории и практике. Несомненно, с развитием науки и представлений о воспитательном характере воздействия на личность осужденного они модифицировались, но в своем базисном направлении остаются весьма актуальными.

Далеко не все идеи В. Венинга как вдохновителя Общества попечительного о тюрьмах были приняты, например не нашел поддержки тезис «дифференцировать заключенных по нравственным категориям и занять их обязательными работами с применением нравственно-религиозного воспитания» [10, с. 295]. Однако деятельность общества носила четко выраженный социально-педагогический характер, а ее практическая сторона получила последующее теоретическое закрепление при зарождении отечественной пенитенциарной педагогической науки.

Важным событием в становлении идей перевоспитания и исправления преступников стало открытие в 1819 г. под Гомелем в имении графа Румянцева первой в России земледельческой колонии для несовершеннолетних правонарушителей. Ее основал опытный педагог Я. И. Герд, приглашенный в Россию для организации обучения детей по специальному «ланкастерскому» методу. Гомельская колония была предназначена для перевоспитания малолетних бродяг и стала первой не только в России, но и, как отмечал сам Я. И. Герд, обогнала Францию на 20 лет [1, с. 56–57].

С этого периода в России стал складываться опыт особого подхода в «исправлении порочных и преступных детей». Однако можно предположить, что этот опыт был не совсем удачным или не получил широкой поддержки. По крайней мере уже через три года в Сборнике постановлений по Министерству народного просвещения № 433 от 22 октября 1822 г. (Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование Александра I (1802–1825). Ст. № 433) мы находим распоряжение о выделении из государственной казны денежных сумм на содержание утвержденного в Санкт-Петербурге училища для бедных русских мальчиков и назначении Я. И. Герда его управляющим.

Заметный вклад в утверждение идей перевоспитания и исправления личности преступника внес Санкт-Петербургский комитет Попечительского о тюрьмах общества. Он принял непосредственное участие в разработке Инструкции смотрителю губернского тюремного замка, утвержденной Кабинетом Министров 26 мая 1831 г.

Данная инструкция состоит из 245 статей, объединенных в 12 глав, и раскрывает порядок приема арестантов, условия их размещения и содержания, режим труда и быта, особенности приема больных и их ле-

чения, требования к персоналу. Учитывая особую роль Русской православной церкви не только в духовном окормлении, но и в нравственном воспитании и исправлении заключенных, законодатель подробно регламентирует правовое положение церковного института в тюрьме, порядок посещения церковной службы арестантами, отправления ими религиозных обрядов, а также предписывает администрации следить, «чтобы во время церковной службы не было со стороны арестантов никаких “непристойностей”» [2, с. 106]. В организации воспитания заключенных основной акцент сделан на деятельности церкви. Священнослужители участвуют в этом процессе с религиозно-нравственной составляющей. Значительно активизируется работа по объединению усилий тюремного персонала и священников по формированию у арестантов законопослушного поведения.

Отметим, что до принятия этого единого документа в России действовали локальные нормативные акты, регламентировавшие условия и порядок отбывания наказания в пределах конкретных учреждений, например Положение о должности смотрителя тюремного замка в Москве 1804 г., Петербургская тюремная инструкция 1819 г., Инструкция главному надзирателю Виленского тюремного замка 1821 г., Положение о должности надзирателей тюремных замков 1823 г. и др. В них наряду с общими указаниями по руководству тюрьмой содержались общечеловеческое требование к смотрителям и тюремной страже гуманно относиться к осужденным. Так, надзирателю замка вменялось в обязанность «обращаться с содержащимися ласково и особенно наблюдать всякое снисхождение и человеколюбие, дабы никто из них свыше меры содеянного не отягощался...» (Положение о должности надзирателей тюремных замков. 1823 г.), «с заключенными арестантами обхождение иметь строгое, однако же, никогда не отступать от правил человеколюбия и обходиться без злобы, мщения и насильства» [2, с. 148]. Однако все эти требования, имеющие значительное социально-педагогическое значение для изменения сознания персонала в отношении к осужденным и достижения цели наказания и исправления, носили локальный характер, необязательный для других мест заключения.

Введенная в действие инструкция 1831 г. стала одним из первых документов, устанавливающих единые правила внутреннего тюремного распорядка на территории России

для всех мест лишения свободы. Несмотря на то, что она, как и ранее принятые документы, не содержала прямых норм, указывающих на цели и задачи тюремного заключения, в ее содержании отчетливо прослеживалась мысль о необходимости исправления личности и, прежде всего, ее нравственного изменения. Эти вопросы подробно освещены в главах «О благочинии и опрятности», «Об упражнениях содержащихся в тюремном замке», «О церкви», «О посетителях».

В соответствии с данным документом обязанность по нравственному переустройству личности возлагалась на священнослужителей и администрацию. Они собственным примером должны были показывать персоналу и заключенным благочинное и благонравное исполнение своего дела.

На священнослужителей наряду с сугубо церковными обязанностями, такими как чтение молитв, проповедей, Священного писания, в соответствии со ст. 153–159 инструкции возлагались и светские миссии. Они должны были посещать осужденных как можно чаще, но не менее двух раз в неделю, «ознакомиться с нравственностью каждого из содержащихся в тюремном замке, приобрести его доверенность к себе и основать действия в отношении к исправлению каждого соответственно обстоятельствам». Им также поручалось обучение «закону Божию или же и другим предметам несовершеннолетних, содержащихся в тюремном замке» [5].

Важным социально-педагогическим требованием Инструкции смотрителю губернского тюремного замка является необходимость приобщения осужденных к труду. В тюремном замке должны быть учреждены работы различного рода. Занятие осужденных социально полезной трудовой деятельностью должно было направить последних на исправление: «работы сии для каждого из арестантов избирались такие, кои, сколь возможно, во время их заключения занимали бы их, не позволяли бы им быть праздными, приучали к порядку, к правильному употреблению времени, к подчиненности и повиновению, дабы, по возвращении в недра общества, соделались они полезными сами себе и семействам своим, вообще клонились бы к исправлению нравственности и к привычке трудиться». Как видим, привлечение осужденных к труду не преследовало цели получения экономической прибыли. При назначении работ рекомендовалось учитывать социально-демографические характеристики заключенного, такие как пол,

возраст, физические возможности, состояние здоровья, познания, способности к каким-либо занятиям ремеслу или работе. Инструкция достаточно подробно описывает, какими работами должны заниматься осужденные согласно их социальному положению. Все это, по мнению законодателя, способствовало бы исправлению личности арестантов.

Гуманистические идеи исправления личности осужденного получили дальнейшее развитие в законодательстве страны. В 1845 г. при активном участии М. М. Сперанского создается «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». В нем была введена система наказаний, делившихся на уголовные и исправительные по 11 родам, разбитым на 35 степеней в зависимости от тяжести совершенного деяния: от выговора и внушения до смертной казни.

Если уголовные наказания по своему смыслу должны были применяться к наиболее опасным для общества преступникам и не содержали в себе ресоциализирующих начал, то исправительные, по мысли законодателя, должны были не только способствовать искуплению вины, но исправить личность, вернуть в общество законопослушного гражданина.

Такой процесс заключался в следующем:

1. Потеря всех прав и преимуществ как личных, так и по состоянию осужденного, ему присвоенных; ссылка на жительство в отдаленнейшие или менее отдаленные места Сибири с временным и определенным для его жительства местом заключения или без оно (от 1 года до 4 лет); для людей, к которым были разрешены телесные наказания, от 50 до 100 ударов розгами через полицейских служителей и отдача на время в исправительные арестантские роты гражданского ведомства с потерей всех особенных прав и преимуществ, лично или же по состоянию или званию ему присвоенных.

2. Ссылка на жительство в другие, кроме сибирских, отдаленные губернии с потерей всех особенных прав и преимуществ, как личных, так и по состоянию, ему присвоенных, и с временным определением для его жительства места заключения или без оно (от 3 месяцев до 2 лет); для людей же, не изъятых от наказаний телесных, заключение в рабочем доме также с потерей всех особенных прав и преимуществ, лично или по состоянию или званию осужденного ему присвоенных (от 3 месяцев до 3 лет).

3. Временное заключение в крепости с лишением некоторых преимуществ, лично

или же по состоянию осужденного ему присвоенных, или же без лишения оных, смотря по роду преступления и мере вины.

4. Временное заключение в смирительном доме с лишением лишь некоторых особых прав и преимуществ, лично или по состоянию ему присвоенных, или же без лишения оных, смотря по роду преступления и мере вины (от 3 месяцев до 3 лет).

5. Временное заключение в тюрьме (от 3 месяцев до 2 лет).

6. Краткосрочный арест (от 1 дня до 3 месяцев).

7. Выговоры в присутствии суда; замечания и внушения от мест присутственных или правительства; денежные взыскания [8, с. 11–12].

Данный закон оказал заметное влияние на развитие всей последующей пенитенциарно-педагогической мысли и в определенной степени подвел итог общественно-политических воззрений российского общества относительно идеи исправления преступников, законодательно ее закрепив.

Таким образом, конец XVIII – первая половина XIX в. в России – это период зарождения и постепенного утверждения идей гуманного отношения к личности осужденного. Формирование представлений о воспитательной цели уголовного наказания через исправление и перевоспитание личности преступника происходит сначала в рамках правовой, а позднее психолого-педагогической мысли. Значительный импульс для осмысления, утверждения и постепенных попыток реализации этих идей в пенитенциарной практике того времени был задан личной позицией лиц царствующей династии, благодаря чему происходит изменение вектора уголовно-исполнительной политики. Поддержка царствующим домом процесса гуманизации исполнения наказаний стимулирует также общественную активность в этом вопросе, ярким примером которой может служить деятельность Попечительского о тюрьмах общества», а также общественно-политических деятелей и публицистов, передовых педагогов-практиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Беляева, Л. И.** Правовые, организационные и педагогические основы деятельности исправительных заведений для несовершеннолетних в России (середина XIX – XX вв.) : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Л. И. Беляева. – Москва, 1995. – 539 с.
2. **Гернет, М. Н.** История царской тюрьмы : в 5 т. Т. 1 / М. Н. Гернет. – Москва : Госюриздат, 1951. – 357 с.
3. **Детков, М. Г.** Исполнение уголовных наказаний в дореволюционной России: цикл лекций для проведения занятий с личным составом уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации / М. Г. Детков, А. Б. Филиппов. – Москва : НИИ УИС Минюста России, 2004. – 199 с. – ISBN 5-86861-004-0.
4. **Лисин, А. Г.** Тюремная система российского государства в XVIII – начале XX вв. : учебное пособие / А. Г. Лисин, Н. И. Петренко, Е. Н. Яковлева. – Москва : Академия МВД России, 1996. – 60 с.
5. **Лопато, Т. М.** Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части / Т. М. Лопато. – Пермь, 1903. – 364 с.
6. **Поздняков, В. М.** Отечественная пенитенциарная психология: история и современность : монография / В. М. Поздняков. – Москва : Академия управления МВД России, 2000. – 269 с.
7. **Романовский, В. Е.** Наказ Императрицы Екатерины II / В. Е. Романовский. Тифлис, 1899. – 56 с.
8. Уголовно-исполнительная система: 130 лет. – Москва : Объединенная редакция ФСИН России, 2009. – 301 с. – ISBN 978-5-9516-0421-7.
9. Тюрьмы в России. Собственноручный проект императрицы Екатерины II (1787) // Русская старина: ежемесячное историческое издание. – 1873. – Т. VIII. – С. 60–87.
10. **Фойницкий, И. Я.** Учение о наказании в связи с тюремоведением / И. Я. Фойницкий. – Москва : Добросвет-2000, Городец, 2000. – 462 с. – ISBN 5-89391-061-3.

REFERENCES

1. Belyaeva L. I. *Pravovye, organizacionnye i pedagogicheskie osnovy deyatelnosti ispravitel'nyh zavedenij dlya nesovershennoletnih v Rossii (seredina XIX – XX vv.)*. Diss. dokt. yurid. nauk [Legal, organizational and pedagogical foundations of the activities of correctional institutions for minors in Russia (mid-19th – 20th centuries). Diss. Dsc. in Law]. Moscow, 1995. 539 p. (In Russ.).
2. Gernet M. N. *Istoriya carskoj tyur'my v 5 t. T. 1* [The history of the royal prison in 5 vol. Vol. 1]. Moscow, 1951. 357 p. (In Russ.).
3. Detkov M. G., Filippov A. B. *Ispolnenie ugovolnyh nakazaniy v dorevolucionnoj Rossii* [Execution of criminal sentences in pre-revolutionary Russia]. Moscow, 2004. 199 p. (In Russ.).
4. Lisin A. G., Petrenko N. I., Yakovleva E. N. *Tyuremnaya sistema rossijskogo gosudarstva v XVIII – nachale XX vv.* [The prison system of the Russian state in the XVIII – early XX centuries]. Moscow, 1996. 60 p. (In Russ.).
5. Lopato T. M. *Sbornik uzakonenij i rasporyazhenij po tyuremnoj chasti* [Collection of legalizations and orders on the prison]. Permian, 1903. 364 p. (In Russ.).
6. Pozdnyakov V. M. *Otechestvennaya penitenciar'naya psihologiya: istoriya i sovremennost'* [Domestic prison psychology: history and modernity]. Moscow, 2000. 269 p. (In Russ.).
7. Romanovskij V. E. *Nakaz Imperatricy Ekateriny II* [The order of Empress Catherine II]. Tiflis, 1899. 56 p. (In Russ.).
8. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: 130 let* [Penal system: 130 years]. Moscow, 2009. 301 p. (In Russ.).
9. Tyur'my v Rossii. *Sobstvennоручnyj proekt imperatricy Ekateriny II (1787)* [Prisons in Russia. The own project of Empress Catherine II (1787)]. *Russkaya starina – Russian antiquity*, 1873, vol. VIII, pp. 60–87. (In Russ.).
10. Fojnickij I. Ya. *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem* [The doctrine of punishment in relation to prison science]. Moscow, 2000. 462 p. (In Russ.).